

А.С. ПУШКИН

СКАЗКА
О МЕРТВОЙ
ЦАРЕВНЕ
И
О СЕМИ
БОГАТЫРЯХ

Часть I

Художник Е. Мешков

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,

И царица у окна
Села ждать его одна. [2]

Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись, гляючи
С белой зори до ночи.

Не видать милого друга!
Только видит: вьётся вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля.

Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.

Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог даёт царице дочь.

Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,

Издалеча, наконец,
Воротился царь-отец. 6

На него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,

Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен.

Год прошёл, как сон пустой,
Царь женился на другой.

Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,

И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива. [в]

Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:

Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,

С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи,

Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»

И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;

Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».

И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,

И прищёлкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,

Поднялась—и расцвела
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.

И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,

А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,

Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»

Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;

Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее!»

Как царица отпрыгнёт,
Да как ручку замахнёт,
Да по зеркальцу как хлопнёт,

Каблучком-то как притопнёт!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врёшь ты мне на зло!..

Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне равной нет.

Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царица всё ж милее,
Всё ж румяней и белее».

Делать нечего. Она,
Чёрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку

Под сосной оставить там
На съедение волкам...

И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав её, живую

Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась.

И взмолилась: «Жизнь моя!
В чём, скажи, виновна я?

Я пожалею тебя».

Не губи меня, девица!
А как буду я царица,

Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог с тобой».
А сама пришла домой...

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.

Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
За невестой молодой.

Отправляется в дорогу
За красавицей-душой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла

И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя. [25]

В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь,

А царица, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;

Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице: кругом

Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой. [37]

Видит девица, что тут
Люди добрые живут;

Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно. 38

Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,

Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:

Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.

Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.

Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.

Кто же? выдь и покажися,
С нами честно подружися:
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,

Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;

Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.

Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,

Подносили пирожок,
Рюмку полну наливали,
На подносе подавали.

От зелёного вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломил

Да кусочек прикусила
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать... [35]

День за днём идёт, мелькая,
А царица молодая

Всё в лесу; не скучно ей
У семи богатырей...

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить её,
А на зеркальце своё
Долго дулась и сердилась;

Наконец об нём хватилась
И пошла за ним, и сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:

«Здравствуй, зеркальце! скажи, Я ль на свете всех милее,
Да всю правду доложи: Всех румяней и белее?»

И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живёт без всякой славы,

Средь зелёных дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей».

И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела

Обмануть меня? и в чём!...»
Та призналася во всём.

Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,

Положила иль не жить
Иль царевну погубить.

КОНЕЦ, ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ДУГИН

© Студия «Диафильм»
Госкино СССР, 1982 г.
101000, Москва, Центр,
Старосадский пер., 7
Цветной 0-30

Д-127-82